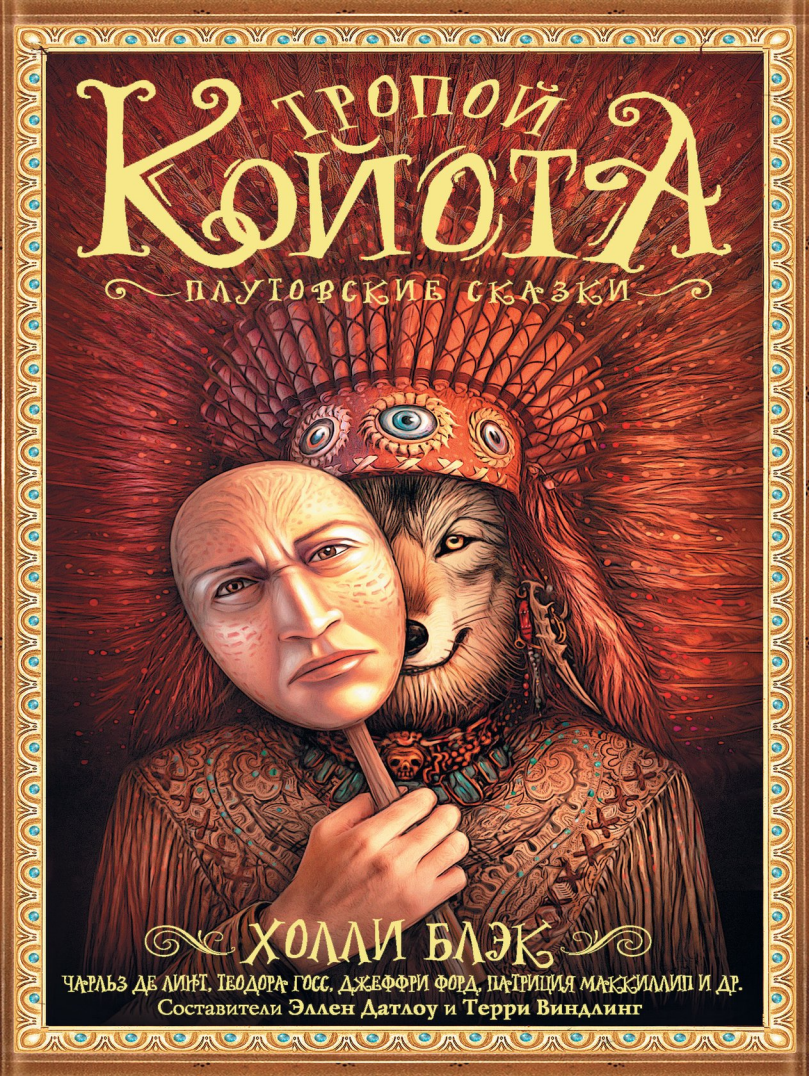

ТРОПОЙ
КОЙОТА
ПЛУТОВСКИЕ СКАЗКИ
ХОЛЛИ БЛЭК
ЧАРЛЬЗ ДЕ ЛИНТ, ТЕОДОРА ГОСС, ДЖЕФФРИ ФОРД, ПАТРИЦИЯ МАККУЛЛИП И ДР.
Составители Эллен Датлоу и Терри Виндлинг

Ветер сновидений
Джедедайя Берри

Аннотация
Джедедайя Берри. Ветер сновидений
Ветер сновидений
Ветер сновидений

Аннотация

Добро пожаловать на страницы третьего тома серии антологий «мифической фантастики» от прославленных составителей Эллен Датлоу и Терри Виндлинг!

Джедедайя Берри
Ветер сновидений

© 2007
© Д. А. Старков, перевод на русский язык

Джедедайя Берри — автор романа «Учебник для детектива». Его рассказы печатались в многочисленных антологиях, включая Salon Fantastique, также составленную Эллен Датлоу и Терри Виндлинг.

Его веб-сайт: www.thirdarchive.net.

Ветер сновидений

Эта книга — под хоровое пение койотов — посвящается Шерин Новембер, так славно, так чудесно поддерживающей наши набеги на царство мифов.

Э. Д. и Т. В.

Примечание автора

Самым хитроумным трикстером из тех, которых я знал, был мой дед. У него была особая кружка: стоило только попробовать сделать из нее глоток, вода лилась на рубашку. Он мог втереть в твое собственное предплечье квортер и вынуть его из твоего же собственного уха. Этому трюку он меня так и не научил, зато научил рисовать лабиринты. Мы вместе вычерчивали их на листах бумаги для пишущей машинки, а после менялись чертежами и приступали к разгадке. Это было моей любимой игрой: ведь каждый лабиринт мог разветвляться на бесконечное множество путей, и работа над ними казалась делом весьма таинственным и важным.

Мсье Брюмо из этого рассказа появился на свет

много позже. Его породили мысли о том, что Дедал, построивший для критского царя Миноса легендарный лабиринт, вполне мог обучить своему искусству какого-нибудь юного ученика и так передать его секреты следующим поколениям. Выходит, строители лабиринтов могли бы жить в самые разные времена, в самых разных частях света — к примеру, во Франции XVII века, — предлагая свое мастерство всем, кому есть, что прятать, или просто нравится время от времени сбиваться с пути. Впервые мсье Брюмо появился на страницах романа, повествующего о его ученичестве. В этом рассказе мне захотелось изобразить его в годы старости — почтенным, признанным мастером, не утратившим вкуса к шалостям.

Ветер сновидений

[1]

Каждый год, в то недолгое время, когда лету и осени приходится делить меж собою одну и ту же постель — первое, утомленное и обожженное солнцем, впадает в дрему, вторая же, разбуженная пением сверчков и нежными прикосновениями первых опавших листьев, только-только протирает глаза, — над нашим городом по дороге откуда-то с дальнего севера в какие-то южные дали, оставляя на своем пути бессчетное множество неопровержимых доказательств невозможного, проносится Ветер Сновидений.

Подобно всем прочим городам, лежащим на пути великого буйного ветра, наш городок не избавлен от тех причудливых перемен, что он приносит с собой. Все мы готовимся к ним, как можем, и умом, и сердцем, так как от них не спрятаться нигде — хоть заберись в подпол и укутайся с головой в одеяло. Закрой окна ставнями, заткни полотенцами щели в дверях, выключи свет, ляг в освинцованный гроб и закрой крышку — ни ма-

---

[1] Примечания: 1

“The Dreaming Wind” copyright © Jeffrey Ford, 2007.

лейшей разницы. Ветер Сновидений отыщет тебя везде и, как всегда, учинит над тобой что-нибудь несусветное.

Все начинается так. Каждый год, в конце августа либо в начале сентября, ясным днем, под ярко-синим небом, кто-нибудь из нас замечает, что листья на деревьях начинают тихонько дрожать, и слышит среди ветвей журчание воды — поначалу негромкое, будто шепот. И тут же предупреждает всех остальных.

— Ветер! Ветер! — разносится крик по улицам городка.

Хэнк Гаррет, наш констебль, немедля взбирается на помост на крыше своего дома и начинает крутить ручную сирену, оповещая фермеров в окрестных полях о грядущем хаосе. Жители Липары спешат по домам, не в силах хоть как-то защититься, однако исполненные решимости разделить бремя неизвестности с родными, а молодым внушить веру в то, что все это — не навеки.

Миг — и ветер здесь, гнет молодые деревца, дребезжит стеклами, кружит по городской площади пыльные смерчи, будто был и останется здесь навсегда, продувая насквозь всю нашу жизнь. Этот вой слышно даже из темного подпола, из-за

тяжелых дубовых дверей, а едва услышишь его — тут же начинаешь и ощущать, всей кожей, всем телом, как будто тебя медленно обволакивает какое-то невидимое вещество. Почувствуешь это — знай: ты попал в сновидения ветра.

Его название, Ветер Сновидений, куда точнее, буквальнее, чем может показаться на первый взгляд. Что такое сновидения? Грезы, основанные на повседневности в достаточной мере, чтоб показаться спящему разуму достоверными, однако в повседневности сна может случиться — и нередко случается — все, что угодно. Причудливых, прискорбных, ужасающих выходок ветра хватило бы на многие тома, но я расскажу лишь о том, что довелось увидеть и пережить самому.

Пожалуй, его любимая игрушка — человеческое тело. Сам видел, как, повинуясь его несусветным капризам, плоть окрашивалась всеми цветами радуги и принимала всевозможные формы, как головы распухали до размеров тыкв, а ноги вытягивались настолько, что поднимали хозяев выше крыши. Языки раздваивались либо превращались в отточенные ножи, глаза полыхали огнем, вращались, будто шутихи, страшно выпучивались, а то и становились зеркалами, отражавшими того, кем становился я — однажды

саламандру с головой ибиса, однажды бронзовое изваяние луны… В год нашей свадьбы длинные волосы жены, Лиды, обрели собственный разум, зажили собственной жизнью, принялись выхватывать из буфета чашки и швырять их об пол. А в том году, когда мне было десять, я видел Меерша, мэра города, бегущим по Госсин-стрит — на плечах вместо головы зад, из-под штанов, с тыла, доносятся приглушенные вопли… ну и зрелище, скажу я вам!

Глаза сползали с лица, перекочевывая на ладони, рты переезжали на колени, руки вместо ног, локти вместо ступней, большой палец вместо носа, согнутые указательные — на месте ушей. Люди превращались в зеленых мартышек, в ослов, в собак, собаки обзаводились кошачьими головами, у кошек вместо лап появлялись ершики для чистки трубок, а вместо хвостов — гирлянды сосисок с крохотными злобными рожицами на кончиках. Однажды три поколения женщин одной и той же семьи, от маленьких девочек до престарелых матрон, покрылись черными перьями и закружили над церковным шпилем, хрипло выкрикивая стихи на каком-то иностранном языке. Пастор Хинч наполовину превратился в свинью, школьная учительница

Мэвис Тот стала креслом с ламповым абажуром вместо головы, и все это… все это — даже не сотая доля проделок Ветра Сновидений. Человеческий язык просто не в силах передать всей глубины его изобретательности и всех причуд его безумной фантазии.

Пока жители города претерпевали сии радикальные перемены, вопили от ужаса, горько рыдали — внутри-то они оставались самими собой, но снаружи превращались в нечто совершенно иное! — местность вокруг тоже менялась. Колоссальные порывы ветра срывали с деревьев листву, тут же превращавшуюся в косяк полосатых рыбок, который начинал метаться в воздухе из стороны в сторону, словно управляемый единым разумом. Деревья дико колебались на ветру, размахивали ветвями, точно резиновые, или обращались в длинные шеи жирафов. Облака медленно, будто хлопья фиолетовой, воздушной сахарной ваты, падали вниз, отскакивали от печных труб, катились по земле, как гигантские шары перекати-поля. Улицы оживали и змеями расползались в стороны, окна подмигивали, дома превращались в стеклянные пузыри, распускавшиеся розами о тысяче лепестков с дверьми и крышами. Трава ни разу не оставалась зеленой,

а небо — голубым, они меняли цвета, а порой даже консистенцию, становились жидкими, будто вода, или тягучими, словно джем, а один раз воздух сделался золотистым газом, на выдохе образовывавшим призраки покойных родных, которые немедля собрались на городской площади и начали отплясывать комбару. И все это — под нестройную какофонию из мириадов звуков: звона бьющегося стекла, трелей жестяной свистульки, чиханья, скрежета гвоздей, вырываемых из зеленой доски гвоздодером, вздохов древних слонов, журчанья воды, стекающей в канализацию…

Сумятица и хаос, всеобъемлющее искажение реальности — эффекты эти длятся два-три часа, а затем прекращаются — с той же быстротой, с какой возникли. Ветер все в большей степени слабеет, а по мере этого сходят на нет и безумные перемены. Люди снова становятся самими собой — такими же, какими были до прихода ветра. Улицы с виноватым видом возвращаются по местам, дома принимают обычный домашний вид, облака обретают прежнюю белизну и так же неторопливо, как падали, поднимаются в небо. К вечеру ветер уносится прочь — нарушать привычный образ жизни добрых жителей городков,

расположенных к югу от Липары.

Кто-либо может спросить: «Так отчего же ваши предки остались на этом месте, а не переселились куда-то еще, обнаружив, что все это происходит каждый год?» Ответ прост. Приезжайте в Липару, и вы собственными глазами убедитесь: это прекраснейшее место во всем мире. Огромные голубые озера, густые зеленые леса, полные дичи, многие акры жирной, плодородной, кишащей червями земли. Кроме этого, чтобы убраться с пути ветра, нужно двигаться на запад, а там пустыня, или на восток, где находится океан. Услышав это, кто-либо может сказать: «Ну что ж, все хорошо, что хорошо кончается: как только ветер унесется прочь, все гарантированно вернется в прежнее состояние». И да, и нет. То есть, конечно, чаще всего это верно, и, если не считать того, что ты раз в году на пару часов невероятно удлиняешься, или съеживаешься, или превращаешься в кошмарное чудище, жизнь здесь чудо, как хороша. Но обратите внимание, я сказал: «чаще всего».

Бывали случаи (правда, должен заметить, крайне редкие), когда следы проказ Ветра Сновидений не исчезали после того, как он улетит на юг. Был, например, на окраине города старый

дуб, который так и не утратил раз обретенной способности: каждый год — причем в середине лета — на нем вырастал странный желтый плод, хрупкий, словно китайский фарфор, величиной с мускатную дыню. По созревании плод падал, разбивался оземь, и изнутри вылетало множество маленьких синих летучих мышей, живущих всего две недели, а питающихся мышами-полевками. А говорящий попугай бабушки Янг по имени Полковник Пудинг от одного легкомысленного прикосновения Ветра Сновидений лишился собственной головы, а вместо нее обзавелся головой куклы правнучки бабушки Янг — милым фарфоровым личиком с синими глазами, закрывавшимися, когда попугай укладывался спать. Говорить он не разучился, но начал предварять любое высказывание одышливой, механической имитацией слова «мама».

Быть может, попугая это несколько расстроило, но какого-либо жуткого вреда из сих двух инцидентов не воспоследовало. Однако необратимость перемен, возможность каковой была ими доказана, продолжала жить в умах липарцев. Вероятность такого исхода раз за разом заставляла вспоминать о себе и ближе к концу каждого лета достигала в воображении каждого

просто-таки чудовищных величин. Согласитесь, превратиться в клоуна с козлиной головой, метелками из перьев вместо рук и морковками вместо ног всего на несколько часов — совсем не то, что провести в этаком состоянии всю оставшуюся жизнь. Одним словом, Ветер Сновидений был игрив, безумен, непредсказуем, а порой — опасен. И никто из нас — ни в прежних поколениях, ни за всю мою долгую жизнь — даже не подозревал, что дело может обстоять иначе.

Но несколько лет тому назад странный ветер сотворил нечто столь необычное, что это потрясло до глубины души даже нас, ветеранов его безумств. Был конец долгого, ленивого лета, памятного ясными деньками и прохладой ночей; листья вязов едва начали желтеть и сохнуть, а первые, самые ранние сверчки только-только завели свою «Зимнюю сказку». Все мы — каждый по-своему — начали укреплять дух, готовясь к ежегодному налету бесшабашного ветра, возносить молитвы Господу либо набираться уверенности, уверяя остальных, что ветер как явится, так и уйдет, и мы по-прежнему будем наслаждаться обычными радостями липарской жизни. Констебль Гаррет поступил как всегда: выбрал троих ребят понадежнее и предложил

им по дайму[2] в день за то, что после школы они будут часа по три дежурить у опушки леса и внимательно слушать, не раздастся ли в ветвях журчание воды. Все семьи разрабатывали планы: где встретиться, в какой комнате пережидать бурю, какие песни петь хором, чтоб поумерить общий страх.

Август миновал без происшествий, и эта задержка вознесла тревогу перед налетом Ветра Сновидений на невообразимую высоту. Мы, старики, напоминали молодым, что он еще ни разу не задерживался позднее середины второй недели сентября, и что не стоит забывать: ветру никто не указ, живет он своим и только своим разумением. Однако в те дни при виде любой занавески, всколыхнувшейся на сквозняке, при всяком порыве ветра, способном хотя бы сдуть остатки пуха с засохшего одуванчика, у всех подскакивало давление, и волосы на загривке топорщились дыбом. К середине первой недели сентября четырежды подымали ложную тревогу, и констебль Гаррет, потирая некогда раненное колено, растревоженное долгими подъемами на крышу, в шутку сказал, что в следующий раз про-

---

[2] Примечания: 2
Дайм (*англ.* dime) — монета достоинством в 10 центов.

сто прихватит с собой наверх спальный мешок.

К концу второй недели сентября нервы напряглись до предела, взрослые ссорились по пустякам, дети плакали без причины. Аура тревог, порожденная ожиданием ветра, начала понемногу сводить Липару с ума еще до его появления. Однажды мисс Тот на глазах всего класса никак не могла вспомнить, сколько будет пятьдесят семь разделить на девятнадцать, сколько ни постукивала линейкой по классной доске. Пришлось ей просить Пегги Фруше, одну из самых старших учениц, сбегать через площадь, в аптеку, и попросить помощи в решении данной проблемы.

Но Бек Харбат, аптекарь, не смог ей помочь, хотя прекрасно знал, что ответ — три, так как по рассеянности, пробежав взглядом рецепт, вручил бабушке Янг пузырек слабительных пилюль вместо ее обычных сердечных капель, вследствие чего был вынужден, протиснувшись в двери мимо Пег, пуститься бежать за старушкой. В погоне за нею он врезался в Милдред Джонсон, ехавшую на рынок с корзиной яиц для продажи. Сидя посреди улицы среди битой скорлупы, утирая со лба яичный белок — следствие их внезапной встречи, Харбат принялся извиняться перед Милдред, а та всего лишь громко, с отвращением в

голосе, ответила:

— Не волнуйся, Бек. Ты тут ни в чем не виноват. Все этот проклятый ветер!

Бабушка Янг, находившаяся всего в нескольких шагах от места столкновения аптекаря с торговкой яйцами, была глуховата и ничего не заметила, зато Полковник Пудинг, как всегда, ехавший на своем обычном месте, на левом плече хозяйки, видел и слышал все. Попугай взвился в небо, унося с собой последние услышанные слова — то есть, «проклятый ветер», и, как поступал всякий раз, услышав фразу, пришедшуюся ему по вкусу, начал громко выкрикивать их голосом, очень похожим на голос той, кого угораздило их вымолвить.

Констебль Гаррет, сидевший у открытого окна своего кабинета, услышал с улицы чей-то крик:

— Мама, проклятый ветер!

Вздохнув, констебль медленно встал из-за стола и в пятый раз полез на крышу.

Так-то, из-за тревоги в умах, и началась эта комедия ошибок, вот только всем нам было отнюдь не до смеха. Обстановка накалялась день ото дня до самого начала октября, когда над городом показались последние эскадрильи гусей, стремящихся на юг. Коллективное смятение жителей Липары

достигло апогея, нервы и мысли спутались, будто клубок бечевки в лапах котенка, а затем весь городок охватило мрачное, усталое равнодушие. Между тем ветер все не прилетал и не прилетал. Спустя еще пару недель выпал первый снежок, принесенный с севера самыми обычными осенними ветрами, и все мы убедились: на этот раз Ветер Сновидений выкинул такое, что никому и присниться бы не могло. Все в одночасье поняли, что необычный гость с севера не придет, и на миг замерли, гадая, что же теперь с нами будет.

Небо затянулось тучами и оставалось серым, как мускусная крыса, по нескольку дней кряду, температура воздуха резко понизилась, а озеро замерзло. Казалось, в отсутствие ветра весь мир погряз в промозглой, холодной тоске. Коровы не давали и половины прежних удоев, петухи больше не утруждались возвещать рассвет, собаки выли в полдень, а кошки сделались так вялы, что перестали ловить мышей, совсем заполонивших липарские дома. Горожане, всегда подозревавшие, что исчезновение Ветра Сновидений принесет облегчение, граничащее с чем-то наподобие духовного возрождения, занимались повседневными делами, будто в трауре. К всеобщему унынию примешивалось чувство вины.

Казалось, город постигла кара за то, что мы не смогли по достоинству оценить уникальности сумасбродств ветра, пока он был с нами.

Укутанная снегом, скованная льдом, зима застыла без движения, являя собой полную противоположность любым превращениям. Бабушка Янг слегла, жалуясь, что ей уже не хватает сил подниматься на ноги. Встревоженный болезнью хозяйки, Полковник Пудинг был просто вне себя и целыми днями оставался с нею, расхаживал взад-вперед по спинке кровати, непрестанно бормоча неподвижными фарфоровыми губами: «Мама… мама…» Больное колено констебля Гаррета, по его собственным словам, расшалилось — сквернее некуда. Регулярных обходов, дабы убедиться, что в городе — мир и покой, он больше не совершал, а просто сидел за столом в кабинете, раскладывая бесчисленные пасьянсы, которые никогда не сходились. В разгаре этого всеобщего «ригор мортис»[3] пастор Хинч на воскресной проповеди призвал жителей Липары проснуться, пробудиться и что-либо предпринять, что-нибудь да изменить, но когда для прихожан настало время ответить ему молитвой, две трети ответов

---

[3] Примечания: 3

Ригор мортис (*лат.* rigor mortis) — трупное окоченение.

оказались безудержным храпом. Мы с Лидой, сидя у кухонного стола, пили чай и даже не глядели друг на друга. И я, и она ждали, что беседу начнет другой, и вслушивались в свист ветра — самого обыкновенного ветра — за дверью.

В конце концов, с весенним таянием снегов, липарцы несколько воспрянули духом и мало-помалу начали возвращаться к жизни. Правда, както заученно, безрадостно, монотонно. Казалось, все вокруг утратило свою прелесть, сделалось скучным, неинтересным. По-моему, первым, был Бек Харбат, городской аптекарь. По-моему, это он первым обмолвился в беседе с покупателем, что по ночам больше не видит снов. Покупатель призадумался, кивнул и сознался, что сам ничего не видит во сне с самого конца лета.

Сие наблюдение кружило по городу неделю или две, обсуждалось в самых разных кругах, и все сходились на том, что им тоже ничего не снится. Наконец мэр города, Джеймс Меерш-третий, созвал экстренное общегородское собрание, темой коего объявил эпидемию сна без сновидений.

Собрание должно было состояться в мэрии, в семь вечера ближайшего четверга, но так и не состоялось. После того, как мэр объявил о времени его начала и предмете разговора, многие,

сосредоточившись на данном вопросе, осознали, что на самом-то деле видят сны. Проблема, как сформулировал Бек Харбат, тот самый, с кого все и началось, заключалась в другом: из этих снов напрочь исчезло все необычное. Что бы ни снилось горожанам после того, как ветер не пришел в положенный срок — все это имело характер самый что ни на есть прозаический: завтрак, поход на работу, чтение вчерашней газеты, заправка постели… От химерических чудищ, от небывалых событий в стране снов не осталось и следа.

Второй причиной отмены собрания послужило то, что в среду, накануне назначенного дня, отошла в мир иной бабушка Янг. Да, в последние годы она очень одряхлела, однако смерть ее удивила и опечалила весь город. Она была старейшей жительницей Липары, дожила до ста двадцати пяти лет, и все мы ее любили. Всю жизнь отличавшаяся прямотой и здравомыслием, в минуту смерти она сказала моей жене (Лида поочередно с другими соседями сидела при ней, скрашивая ее последние часы):

— Должно быть, смерть — и то не так уныла, как наша Липара в последние дни!

Похороны мы ей устроили самые пышные, какие только смогли в нашем-то угнетенном

состоянии, а мэр выделил средства для установки на городской площади памятника в ее честь. Когда ее гроб опускали в могилу, Полковник Пудинг, сидевший на насесте, поставленном рядом специально для него, встрепенулся. В уголках его кукольных глаз выступили слезы. Произнеся надгробную речь из одного слова «мама», попугай расправил крылья, взвился в воздух и скрылся из виду.

Шли дни. Настало лето, а нам по-прежнему снилось, как мы едим гороховый суп и подрезаем ногти на ногах. Казалось, ничто на свете не в силах развеять нависшего над городом заклятья. Мы ходили по улицам, будто во сне, приветствуя друг друга едва заметными кивками да вымученными улыбками. Даже огромные кудрявые облака в синем небе больше не принимали форм драконов или пиратских кораблей, как в прежние времена. И вот, когда это оцепенение сделалось невыносимым, однажды ночью кое-что произошло. Казалось бы, сущий пустяк, однако мы вцепились в него, как муравьи — в прутик, подхваченный течением бурной реки.

Милдред Джонсон засиделась допоздна за чтением недавно приобретенной книги, в коей освещались особенности яйценоскости несушек

породы ломан-браун. Муж ее уже улегся спать, и дочь, Джессика, тоже. Чтение оказалось не слишком-то захватывающим, и Милдред сама не заметила, как задремала в кресле. Спустя какое-то время, ее внезапно разбудило негромкое бормотание, доносящееся из спальни дочери. Поднявшись с кресла, она подошла к полуоткрытой двери в спальню, проверить, все ли в порядке, но, заглянув внутрь, увидела в озарявшем сцену лунном луче нечто, шевелящееся на кровати, рядом с подушкой Джессики. Вначале она решила, что это крыса, и завизжала. Непонятная тварь встрепенулась, вскинула голову, и в этот момент, прежде чем незваный гость упорхнул в окно, Милдред увидела гладкое, неподвижное кукольное лицо Полковника Пудинга.

Пожалуй, возвращение попугая и не совсем обычные подробности его появления нельзя было классифицировать как нечто из ряда вон, однако странности сего происшествия хватило, чтоб вызвать в умах горожан легкое возбуждение. Где попугай прятался с самых похорон? Что может означать эта полночная весть? Может, он просто заблудился и влетел в первое попавшееся окно? Или же в его действиях имеется некая определенная, далеко идущая цель? Эти вопросы заронили

пару-другую искорок в помраченное сознание липарцев. Пока весь город судил да рядил, строя догадки, Полковник Пудинг еще несколько раз был замечен в комнатах спящих городских детишек. Во время очередной воскресной проповеди пастор рекомендовал прихожанам запирать на ночь окна детских спален, и прихожане согласно закивали, но, судя по тому, что и детям, и их родителям в глубине души равно хотелось приобщиться к этой тайне, поступили в точности наоборот.

Не ограничившись сими ночными визитами, попугай начал показываться на глаза людям и среди бела дня, порхая туда-сюда над крышами домов. Один из очевидцев свидетельствовал, что утром первого понедельника летних каникул он приземлился на левое плечо Мэвис Тот и сидел там, бормоча что-то ей на ухо, все время, пока она шла от своего дома на берегу озера к банку. Все мы не сомневались: в городе что-то происходит, но что — об этом никто не имел ни малейшего понятия. Точнее сказать, никто из взрослых. Липарские дети, напротив, завели привычку шептаться, собираясь группками, но стоило рядом появиться кому-то из взрослых, немедленно умолкали. Даже отъявленные лентяи и прогуль-

щики наподобие Альфреда Лессерта, чемпиона школы по плевкам шариками из жеваной промокашки, принялись проводить в школе дни напролет, делая вид, будто забавы ради решают математические задачи. Многие пришли к убеждению, что в городе зреет какой-то заговор. Родители исподволь пытались уломать своих отпрысков поделиться хоть чуточкой информации, но их сыновья с дочерьми лишь озадаченно взирали на отцов и матерей, притворяясь, будто не понимают, к чему те клонят, или действительно ничего особенного не зная. Мисс Тот тоже попала под пристальное наблюдение, но вместо того, чтобы как следует отвечать на вопросы, только кивала, поигрывала цепочкой, на коей носила очки для чтения, либо вымученно смеялась, если все остальное не годилось.

Интрига вокруг детей и школы служила предметом легкого интереса взрослых все лето, но, как всегда, более важные дела — бизнес, домашние хлопоты — взяли свое и полностью отвлекли внимание горожан на себя, так что пропажи из дому старых газет и пакетов с мукой никто не заметил. С приближением первой годовщины, так сказать, неявки ветра в назначенный срок мы затянули узду рассуждений о том, что может ждать

нас впереди, потуже, но про себя каждый гадал: пронесется ли ветер над городом снова, сметая накрывшее город уныние, или же начало осени пройдет без происшествий, еще убедительнее доказав, что безумствам его сновидений конец, и мы останемся в этом тоскливом преддверии ада до конца дней?

Утром пятницы предпоследней недели августа я вышел к почтовому ящику и обнаружил внутри только странное послание без конверта — сложенное пополам перо попугая, вырезанное из зеленой бумаги. Развернув его, я прочел: «Полковник Пудинг приглашает вас на Праздник Ветра Сновидений». Праздник был назначен на завтра, место — городская площадь, начало — с заходом солнца. Снизу имелась приписка: «Захватите с собой только свои сновидения!». Впервые с самого конца прошлого лета я улыбнулся и понял, что совсем отвык от улыбок — настолько, что мускулы на лице слегка заныли. Забыв о собственной старости и неуклюжести, я рысцой подбежал к крыльцу и позвал Лиду. Увидев приглашение, Лида звонко рассмеялась и захлопала в ладоши.

Назавтра, перед самым наступлением сумерек, мы вышли из дому и направились к городской площади. Вечер был просто прекрасен. Солнце

наполовину скрылось за западным горизонтом, окрасив небо оранжевым, розовым и лиловым, а в темной синеве над нашими головами показались белые крапинки звезд. Приятный легкий бриз уносил прочь гнус и москитов. Мы взялись за руки и шли молча. Соседи вокруг тоже покидали дома и направлялись на праздник.

Городская площадь полностью преобразилась. Оградки и фонарные столбы — сплошь увиты лентами из золотой бумаги. В южном углу, лицом к импровизированной сцене из дощатых поддонов для кирпичей, по-видимому, одолженных на местной кирпичной фабрике, расставлены ряды складных стульев. Два высоких шеста по бокам сцены поддерживают пестрый занавес, сооруженный из старых пледов, сколотых вместе булавками. Вокруг сцены расставлены шесть зажженных факелов; их мягкий свет на фоне темнеющего неба с каждой минутой становится все волшебнее и волшебнее.

Констебль Гаррет, одетый в цветастый балахон, с огромной сигарой в углу рта, с бантом на макушке, взял на себя роль капельдинера. Он выстроил нас в очередь невдалеке от зрительских мест. Все мы хвалили его наряд, говорили, что выглядит он просто чудесно, а он, как обычно, устало кивал

и отвечал:

— А вы думали!

По площади деловито, озабоченно сновали липарские детишки, а возглавляла их бурную деятельность мисс Тот — с синей кожей и в парике из резиновых змей, то шепотом раздававшая указания, то склонявшая ухо пониже, чтоб выслушать вопросы и предложения учеников. Внезапно все замерли и умолкли. Тишину нарушало лишь негромкое потрескивание факелов.

— Пожалуйста, приготовьте билеты, — объявил констебль Гаррет.

Подняв руку, он указал нам путь. Прежде чем мы расселись по местам, нас препроводили к трем длинным столам, на коих были разложены разноцветные маски зверей, предметов домашней утвари, морских раковин и вообще всего, что только можно вообразить, сделанные из папье-маше. К каждой по бокам были прикреплены длинные куски проволоки, загнутые дужками, так что маску можно было надеть и носить на манер очков. Среди масок лежали и шляпы, свернутые из газет, а на краю каждого стола возвышалась груда вееров — картонных кругов на палочках.

Я остановил выбор на маске, превратившей

мою голову в банку консервированных бобов, а жена надела маску курицы. Лицо Милдред Джонсон сделалось медвежьей лапой, ее муж стал ярко-желтым солнцем, Бек Харбат взял себе маску собаки, а мэр города, Джеймс Меерш-третий, отвернулся от стола в облике зеленой мартышки. Как только все перестали быть самими собой, мы разобрали веера, сели перед сценой, и праздник тут же начался. Из-за занавеса появилась мисс Тот. В руках она держала вешалку для шляп, которую поставила рядом с собой. Поприветствовав и поблагодарив всех нас за внимание, она представила собравшимся Полковника Пудинга — создателя и основателя Праздника Ветра Сновидений — и покинула сцену. Спустя мгновение над нашими головами захлопали крылья. Спустившись вниз, Полковник Пудинг уселся на вешалку для шляп, трижды пронзительно крикнул, расправил крылья, дважды кивнул головой и сказал:

— Мама, сказка о ветре сновидений. В давние-давние времена…

Сделав многозначительную паузу, он взлетел в небо. Из-за занавеса выбежала Джессика Джонсон, живо убрала со сцены вешалку, и пьеса началась.

В пьесе рассказывалось о великом волшебнике, жившем вместе с женой и дочерью в замке среди северных гор. Волшебником он был добрым, магией пользовался исключительно белой и исполнял желание всякого, кто рискнет проделать долгий нелегкий путь к его замку, при условии, что пришедший просит не за себя, а за кого-то другого. Отказывал он только тем, кто желал богатства или власти. По ходу пьесы хор самых младших детишек пел песни, в которых сообщал нам подробности жизни в замке на горной вершине. Затем над сценой запорхали белые конфетти, изображавшие снег, а заодно отмечавшие течение времени.

Настала зима, и жена волшебника, которую он очень и очень любил, захворала простудой, перешедшей в воспаление легких. Вскоре сделалось ясно, что она умирает. К каким бы чарам и заклинаниям волшебник ни прибегал, ничто не могло исцелить ее. Смерть жены опечалила и волшебника, и его дочь. Увидев, что в мире есть вещи, неподвластные его магии, волшебник начал очень тревожиться о дочери: вдруг судьба матери постигнет и ее? Перед смертью жены он обещал ей, что всегда будет любить девочку и заботиться о ее благополучии. Теперь это обяза-

тельство затмило для него все остальное; даже крохотный порез или разбитая коленка дочери причиняли ему великую душевную боль.

Шло время. Девочка росла, развивалась, умнела. Однажды ей захотелось спуститься с горы и повидать других людей. Однако волшебник знал, сколько опасностей ждет ее там, во внешнем мире. Прежде, чем дочь достигла того возраста, когда ее было бы не удержать, он наложил на нее чары и погрузил ее в глубокий сон. А дабы защитить понадежнее, заключил спящую в большой гороховый стручок с оконцем, чтоб видеть ее лицо, когда потребуется. Там она и спала, не меняясь и не взрослея, и волшебник наконец-то смог облегченно вздохнуть.

К концу первого года ее охранительного сна он заметил, что во сне она грезит: сквозь окошко виднелись фигуры и образы, клубящиеся над ее лицом. Волшебнику стало ясно: если он не найдет способа откачать ее сны из стручка, стручок рано или поздно переполнится и лопнет. Прибегнув к магии, он наколдовал на верхушке стручка кран. А раз в год, когда лето сменяется осенью, взбирался на стремянку и выпускал скопившиеся в стручке сны. Сны вырывались наружу, будто струя гейзера, собирались в нечто наподобие

тучи, которая, сформировавшись окончательно, вылетала за окно. Там горные ветры подхватывали сны дочери волшебника и несли их на юг, и по пути их жизненная сила меняла все, к чему они ни прикоснутся.

Следя за развитием сюжета, я не уставал дивиться качеству постановки и изобретательности бутафоров. Гороховый стручок, в котором спала дочь волшебника, был сооружен из огромной багажной сумки с окошком, прорезанным в ней перед лицом девочки-актрисы — Пегги Фруше, игравшей свою роль просто великолепно. Клубящиеся за окошком сны изображались при помощи множества вырезанных из цветной бумаги силуэтов различных зверей, людей и прочих предметов, приклеенных к невидимым для зрителя палочкам; направляемые руками красавицы Пегги, все эти силуэты грациозно проплывали перед ее закрытыми глазами. Когда же волшебник повернул кран, выпуская сны на волю, они приняли облик младших ребятишек в фантастических нарядах. Детишки бешено закружились по сцене, и сбежались вместе, готовясь лететь на юг. Но самым удивительным оказалось другое: бездельник и хулиган Альфред Лессерт, веснушчатый парнишка с копной ры-

жих волос, играл обеспокоенного волшебника с неподдельной страстью, далеко выходящей за рамки актерской игры.

Сидя среди других горожан, я со всем вниманием следил за тем, как в замок на далеком севере пришел просить об исполнении желания юноша, и как он, обнаружив девушку, освободил ее, и как затем вышел на бой с ее отцом-волшебником, который едва не убил его смертоносным заклятием, но, вняв мольбам дочери, подарил ему жизнь и позволил юной паре уйти из горного замка навстречу свободе. Передо мной, на сцене из дощатых поддонов для кирпича, разворачивалась год за годом моя собственная жизнь — жизнь, проведенная здесь, в Липаре! Но прежде, чем я успел осознать это, пьеса подошла к концу, и вот уж волшебник произносит свой финальный монолог, благословляя молодых под густым снегопадом.

— Ступай же в мир, дорогая моя! — кричит он дочери вслед, обводя взглядом зрителей, заглядывая каждому в глаза. — Наш ветер будет дуть, неся с собой и радости и огорчения, и что кого постигнет, когда согнутся ветви и листья зашумят, заранее знать невозможно. Уверенным можно быть только в одном: ни в чем нельзя быть уве-

ренным! Только держитесь друг к другу поближе, да ничего не бойтесь, ибо однажды, в темнейшую из ночей, этот ветер, Ветер Сновидений, может прийти и к вам!

В конце представления актеры вышли на поклоны под бурю аплодисментов. Затем нам велели поднять повыше веера и махать ими изо всех сил. Все зрители и все, кто стоял на сцене, замахали в воздухе всем, чем только могли, сотворив две сотни маленьких ветерков, слившихся в могучий ураган, принесший с собою покой и уют и никого не оставивший таким, как прежде. После этого кое-кто пошел плясать комбару под аккомпанемент гармоники констебля Гаррета, а дети затеяли игру в прятки в темноте. Остальные пили пунш, беседовали и смеялись до поздней ночи, пока факелы не догорели.

По пути домой, при свете звезд, Лида созналась в том, что это она с несколькими соседками, прибирая в доме покойной бабушки Янг перед тем, как он будет продан новой семейной паре, переезжающей в Липару, обнаружила под кроватью стопку бумажных листов с планами праздника и набросками пьесы.

— К тому времени Полковник уже привел в действие задуманный ею план, потому я и не

сказала никому ни слова, чтоб не испортить сюрприз, — пояснила она.

Я заверил ее, что очень этому рад.

Проходя мимо скамьи под тем самым старым дубом, что приносил плоды, полные синих летучих мышек, мы случайно увидели Альберта Лессера, целующегося с Пегги Фруше.

— Кое-что так и остается неизменным, — шепнул я Лиде.

Усталые, мы рухнули в постель, и я долгое время лежал с закрытыми глазами, вслушиваясь в мерное дыхание Лиды и шорох ночного бриза, дувшего в открытое окно сквозь жалюзи. Поначалу мысли мои были полны красками и звуками праздника — мерцанием факелов, яркими масками, смехом, — но мало-помалу все это уступило место одной-единственной картине. Перед глазами возник тот самый старый волшебник — один на вершине горы в дебрях далекого севера. Сквозь густой снег я увидел его седую бороду и узнал его морщинистое лицо. Пробормотав заклинание, он поднял жезл, кивнул в знак того, что согласен исполнить мое желание, и я понял: все это — сон.